

УДК 32.01

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АНАЛОГОВОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Г. М. Барашков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Eternity65@yandex.ru

В статье рассматривается влияние конфуцианской политической традиции на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Показано, что конфуцианские нормы, лежащие в основе азиатских ценностей, заложили основы общественных и межличностных взаимодействий, специфику государственно-властных отношений, определили основу политической культуры и получили статус государственной идеологии. Анализируется модель гражданского общества в этом регионе мира, его характерные черты, отличия от западного «идеала». Показано, что формирующиеся модели гражданского общества незападного ареала обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран, конфуцианством и системой азиатских ценностей.

Ключевые слова: аналоговая модель, гражданское общество, конфуцианство, демократия, демократизация, традиционализм, политическая культура, азиатские ценности.

Confucianism's Impact on Peculiarities of Establishing and Developing of the Civil Society's Analogous Form in the Countries of the Asia-Pacific Region

G. M. Barashkov

The present article is concerned with the influence of Confucian political tradition on peculiarities of establishing and development of the civil society's analogous form in the countries of the Asia-Pacific region. The author shows that Confucian norms lying at the heart of the Asian values laid down the foundation for social and interpersonal interactions and specifics of state-authority relations, defined the bases of political culture and gained the state ideology status. This region's model of civil society, its features and variations from the Western «ideal» are analyzed. The author shows that developing civil society models of non-western areal have their own unique features which are dependent upon the special mode of civilizational development of those countries, Confucianism, and the whole system of Asian values.

Key words: analogous model, civil society, Confucianism, democracy, democratization, traditionalism, political culture, Asian values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120

Постепенное превращение Китая в сверхдержаву, большие достижения в области экономики, высоких технологиях, стабильность, процветание и устойчивое развитие большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона способствуют возрастанию научного интереса к этим странам.

Анализируя политические процессы, происходящие в данном регионе мира, отметим, что все геополитические, национальные и исторические особенности определяются их принадлежностью к конфуцианской политической традиции, формировавшейся длительный период времени и получившей статус государственной идеологии. Сотни лет народы этих регионов развивались в условиях господства конфуцианского мировоззрения, которое проникало во все сферы человеческой деятельности, воздействуя как на элиту, так и простой народ. Конфуцианские нормы явились основой политической культуры, способствовали формированию общественных и межличностных отношений, определили специфику государственной власти.

Несомненно, азиатские страны неоднородны по уровню своего политического развития. Вместе с тем, несмотря на широкую градацию азиатских стран от тоталитарных (КНДР) до формально демократических (Япония), у них есть много общего благодаря одной политико-культурной традиции, исходящей из конфуцианства.

Для политической культуры конфуцианского общества определяющей является политико-философская концепция власти, которая практически не претерпела существенной трансформации даже в последние десятилетия, связанные с политической модернизацией стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Для данных обществ, следующих в русле конфуцианских традиций, особая роль отводится государству, выступающему в качестве цементирующей и организующей силы, действия которого направлены на защиту страны и граждан, создание оптимальных форм социального и политического взаимодействия.

Несмотря на устойчивую тенденцию развития модернизационных процессов в современных азиатских государствах, политические традиции и культура максимально сохраняют конфуцианское наследие. Государство, как и раньше, занимает особое положение в системе ценностей азиатских обществ, что объясняет тяготение к сильной государственной власти и поддержанию авторитарных порядков. Обществом признается право руководителя на жесткое единоличное правление, что значительно сковывает внутренний потенциал для дальнейшего политического переустройства общественных и государственных структур.

В отличие от западной либеральной модели, где государство признается производной от общественных интересов и должно служить социуму, в азиатских обществах государство рассматривается как данность, а общественный и индивидуальный долг представляется как служение верховной власти с целью создания сильного и эффективно действующего механизма, интересам которого подчинен каждый гражданин.

Вместе с тем развитие демократических процессов в этом регионе мира – это устоявшийся факт, который признается большинством исследователей азиатских обществ и теории демократии¹. Другое дело, насколько применимы понятия и термины «гражданское общество», «демократия» к этим государствам в западноевропейском их понимании, насколько западные ценности соотносятся с местной политической культурой и какова специфика собственной складывающейся здесь демократической традиции.

Столкнувшись с современными условиями, конфуцианский мир вынужден был начать переход на более эффективный вариант развития, связанный с адаптацией западной модели к местным условиям. Процесс этот оказался достаточно сложным, поскольку европейские и дальневосточные народы на протяжении веков руководствовались различными ценностными установками.

Культурно-историческое развитие западных стран, ценностные ориентиры, то, что, собственно говоря, формировало западную модель мироустройства, не соответствует конфуцианским традициям, так как европейская цивилизация зиждется на принципах эффективности, рациональности, институционализации политического процесса, конкурентной борьбы. Конфуцианская же система ценностей основана на морально-этическом подходе к организации человеческого общества, приоритете нравственных начал, гармонизации отношений и самосовершенствования человека, поэтому в ее рамках социальные задачи решались через познание человеком собственной природы. Средством решения насущных проблем выступают этические и социальные механизмы. Иначе определяют в конфуцианском мире и суть цивилизации, которая выступает здесь как «система однородной человеческой деятельности, ограниченная набором действенных правил, доминирующими обычаями и трудовыми приемами, сложившимися в течение длительного времени»². В таких условиях по своей природе и интересам люди не отличаются друг от друга, и со временем укоренившиеся обычаи и правила становятся частью жизненных условий. Иными словами, суть конфуцианской цивилизации составляют обычаи, традиции и правила, сформировавшиеся в течение длительного исторического времени в ответ на изначальные и впоследствии меняющиеся условия жизни.

С развитием либеральной экономики и политических реформ, направленных на демократизацию общественной жизни, отношение к традиционной культуре начинает постепенно меняться. При этом не ставится вопрос о применимости фундаментальных принципов конфуцианства в современных условиях в целом, но решается задача их преломления в соответствии с новыми реалиями. Поддержка и прославление традиционной культуры воспринимаются как необходимые условия для сохранения национальной идентичности, подъема национального духа и патриотизма. В то же время доказывается, что модернизация и участие в глобальных процессах – это естественный, закономерный процесс, который не противоречит основам традиционной морали и этики. Напротив, в бурно меняющемся мире, что влечет за собой существенные общественно-политические изменения, они должны выполнять охранительную функцию, смягчать жизненные и рыночные конфликты, способствовать гармонизации социальных отношений.

Очевидно, что перемены, происходящие в посттрадиционном обществе, могут восприниматься достаточно настороженно, расцениваться как некая угроза культурным основам, традициям, самобытности, сохранять в себе страх потери идентичности для некоторой части населения. Вместе с тем большинство изменений расцениваются весьма положительно, прогрессивно, не вызывают отторжения, поскольку культурный код, составляющий главное ядро, основу, суть цивилизации, остается неизменным. Главную роль в нем играет своеобразный тип мышления, который нацелен на сохранение гармонии и целостности и тем самым существенно отличающийся от системы противопоставления, свойственной для европейцев. Конфуцианский тип мышления монистичен, целен, он обращен к поддержанию логической взаимосвязи и обусловленности, выражающийся формулой «и то, и это», в то время как европейский дуализм связан с противопоставлением, «либо то, либо это»³. В основе стиля мышления дальневосточных народов лежит глубокая убежденность в том, что одно понятие не может существовать в отрыве от другого, зачастую противоположного, его можно считать диалектичным, поскольку конфуцианский мыслительный стереотип относится ко всему как к существующему в неразрывном взаимодействии и взаимной обусловленности. Гармония единого мироздания, космического и земного, красной нитью проходит через этико-философскую систему Конфуция⁴. Поэтому в конфуцианском типе мышления отсутствуют абсолютные категории добра или зла.

Специфика дальневосточной цивилизации не ограничивается только типом мышления. Отличие от европейской цивилизации проявляется даже на лингвистическом уровне. Например, такое значимое философское понятие, как «спра-

ведливость», не было характерно для древних азиатских языков. Но это совсем не означает, что категория справедливости чужда дальневосточной культуре. Напротив, по мнению исследователя А. Ланькова, она занимает почетное место в этической системе Кореи, Китая, Японии и других стран региона, однако в ней иначе рассматриваются отношения между коллективным и индивидуальным⁵. Поэтому здесь «справедливость» лишена эгалитарного подтекста, характерного для западного восприятия этого понятия, и не требует обеспечения равных возможностей для каждого индивида. Семантика слова «справедливость» в дальневосточных языках демонстрирует, что конфуцианское восприятие человека как особой ролевой матрицы в обществе вообще не предусматривает социального равенства. А. Ланьков считает, что термин «справедливый» в дальневосточных странах в большей степени означает «уместный, подходящий, допустимый»⁶. Таким образом, в европейской традиции преобладает социальный аспект данного понятия, а на Востоке – этический. Примерно так же обстоит дело с восприятием других ценностей: долг, совесть, право, обязанность, сотрудничество и т. д.⁷. Оно отличается от соответствующих понятий западной культуры и сыграло существенную роль в трансформации конфуцианского общества по иному социальному проекту, основными характеристиками которого стали гомогенность, солидарность, тождественность и сотрудничество.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами Востока, акцентируют свое внимание на таком феномене, как тот, что ни одна из азиатских религий и философий, в том числе конфуцианство, не проводит различия между религиозными и светскими ценностями⁸. Религиозные традиции Востока содержат не только руководство по отпавлению культа, но и правила поведения в повседневной жизни, определяют нормы общественно-политической, хозяйственной и творческой деятельности.

Таким образом, при различно складывающихся обстоятельствах, в любой среде, будь то общественно-политическая либо семейная, властные, корпоративные ценности, основанные на конфуцианских морально-этических принципах, нацелены на достижение мира, согласия, гармонии, что противоречит соображениям целесообразности и эффективности в европейском понимании. Поиск гармонии как универсального принципа мироустройства является краеугольным камнем конфуцианского мировоззрения. Гармония же в социально-политической сфере обеспечивается через традиционно-корпоративный консенсус. Принятие решений происходит в результате длительных консультаций, в обсуждениях возникающих проблемных ситуаций, в которых принимают участие все участники переговорного процесса. Система простого боль-

шинства, где меньшинство должно подчиниться и принять к сведению, являющаяся основным критерием демократичности в западном понимании, редко приводит к единодушной поддержке власти на Дальнем Востоке. В свою очередь, для власти в лице государства важно завоевать доверие народа, демонстрируя единение власти и общества.

Эти факты убедительно доказывают нам то, что абсолютно нецелесообразно и контрпродуктивно переносить западные социальные, экономические, правовые и политические концепции на другую культурно-историческую среду. Привнесенное в конфуцианский мир европейского понимания прогресса не всегда следует связывать с гомогенизацией всемирно-исторического прогресса, поскольку конфуцианский мир показал достаточную прочность в условиях глобальной экспансии европейской традиции. Речь следует вести не о замене местных цивилизационных основ, а о слиянии региональных и глобальных тенденций. Слияние конфуцианской и европейской цивилизаций порождает не только конфликты, но и синтез различных компонентов, выводит историческое развитие на новый качественный уровень, что способствует появлению новых моделей политического развития, особенностей функционирования политических институтов.

Отсюда следует, что местная специфика развития демократического процесса нацелена на сохранение в современных условиях базовых особенностей конфуцианской политической культуры. Однако камнем преткновения является неоднозначное восприятие сущности демократии как народовластия в разных культурных средах. Менталитет многих неевропейских народов делает невозможным механический перенос в их среду сложившихся на Западе форм, принципов и институтов демократии. Таких примеров неудавшихся экспериментов «экспорта демократии» множество, когда, вроде бы, одни и те же политические институты, но в разных культурных средах начинают по-особенному функционировать, давая на выходе совершенно непредсказуемый результат. В итоге теряется управляемость и происходит сползание некогда вполне успешных государств в многолетний хаос и ужас гражданского противостояния. Поэтому перспективы модернизационных преобразований и демократизации политического процесса напрямую ставятся в зависимость от синтеза двух культурных традиций. Своеобразие и уникальность данного процесса позволяет некоторым исследователям использовать понятие «азиатской демократии»⁹, основанной на «азиатских ценностях». По мнению ряда авторов, нельзя отказывать азиатским государствам участвовать в демократическом процессе, применяя различные модели и формы демократии, максимально адаптируя их в соответствии со своей национально-культурной

спецификой. При этом утверждается, что «они не в меньшей степени демократичны, чем любая западная страна»¹⁰.

В основе доктрины «азиатских ценностей» лежит убеждение в том, что современная Азия, стоящая на принципах солидарности азиатских стран в противовес американоцентризму и евроцентризму, превосходит Запад в историческом первенстве за мировое лидерство или, во всяком случае, не уступает ему. По мнению апологетов «азиатских ценностей», они не являются ущербными в сравнении с западными демократическими ценностями. В конечном итоге данная доктрина обосновывает специфическую историко-культурную и общественно-политическую базу для современного экономического и социального устройства азиатских государств, не стремящихся подражать США и западноевропейским странам, а способных развиваться на собственной основе.

Кроме того, ссылка на «азиатские ценности» оспаривает современную западную модель управления в экономической и политической сферах, так как азиатский рынок и капитализм, которые сложились на особой культурной основе, зиждутся на родственно-клановых связях и в меньшей степени зависят от юридических норм и судебной системы. В политической сфере приоритетным является поддержание традиционной политической культуры, а не построение правового государства, нацеленного на защиту гражданских прав и свобод граждан. То есть в системе «азиатских ценностей» приоритетное положение занимает традиционная политическая культура, направленная на поддержание корпоративизма и иерархических принципов организации общества, затем следуют культурные ценности, акцентирующие внимание на этических нормах и общественной жизни, а концепции гражданских прав и обязанностей придается второстепенное значение¹¹.

Таким образом, следует признать существование различных моделей, основанных на культурно-исторических традициях и специфике того или иного региона. Но непохожесть не означает неполноценности или ущербности. Принципиальные различия «азиатской» и «западной» демократии наблюдаются лишь по отношению к либерализму, причем азиатская концепция не отрицает его полностью, а дает ему в условиях традиционного общества иную интерпретацию, в частности, относительно таких вопросов, как права человека, процесс демократизации, модернизация, концепция власти, общественно-политический плюрализм. Например, если на Западе права человека являются абсолютной ценностью, характеризующей степень демократичности и цивилизованности той или иной страны, то в политических системах постконфуцианских стран основное внимание уделяется не правам отдельного человека, а правам всего общества.

Такое положение должно обеспечить социальную стабильность общества, способствовать его развитию и выживанию в непростых конкурентных условиях современного мира. Кроме того, в таком восприятии прав человека лежит особое понимание идеи социальной справедливости в постконфуцианских странах, которому могут угрожать индивидуалистические устремления по европейскому примеру, несущие опасность раскола и ослабления коллективистских основ.

Процесс демократизации характеризуется уходом от вестернизации в пользу национальных моделей развития. Западная модель демократии адаптируется в соответствии с местной спецификой. Как и во всем, выразителем демократических тенденций становится группа, весь социум, а не отдельный, свободный индивид. Решения инициируются и доводятся до общества сверху, т. е. власти, по конфуцианской традиции, сохраняют и реализуют свой особый «мандат» на управление народом,

Концепция модернизации преломляется через конфуцианскую культурную традицию и преподносится как «особый капитал для догоняющей модернизации» и даже выдвигается теория «альтернативной незападной, или конфуцианской модернизации»¹². В этом случае любая попытка внедрения на местную почву европейских институтов, будь то гражданское общество или права человека (в либеральном понимании), вызывает немедленное отторжение, что способствует в европейском понимании существенно подрыву потенциала дальнейшей политической модернизации постконфуцианского мира. В действительности как раз опора на собственные ценности способствует успешной модернизации ряда восточноазиатских обществ и рождению, так называемого азиатского чуда.

Концепция власти в конфуцианском пространстве не воспринимает демократию как проявление народовластия. Если европейская политическая традиция признает народ в качестве носителя верховной власти, то в постконфуцианском обществе народовластие подразумевает власть от имени и в интересах народа, что принципиальным образом меняет содержание данной категории демократической теории. Однако на практике такое понимание народовластия приводит к снижению степени прямого участия населения в политическом процессе и сужению возможности воздействовать на него.

Общественно-политический плюрализм, который является одной из ключевых ценностей и достижений западных стран, в конфуцианском мире не поощряется. Это связано с тем, что общественная мораль, политическое сознание и культурные традиции содействуют общественно-политическому конформизму и особенно унификации политического процесса, поскольку только они способствуют гармонизации политического процесса и единства социума.

Такое же преломление через местную политическую традицию претерпевает и концепция гражданского общества. Западная демократическая традиция направлена на формирование открытого гражданского общества, в основе которого лежит соблюдение приватности и раздельности интересов отдельных социальных групп и индивидуумов. Государство в современных условиях отождествляется с правовым и институциональным аппаратом, в то время как гражданское общество представлено моделями различных объединений (некоммерческие объединения, группы по интересам, профсоюзы и т. п.), постоянными и временными, далеко не всегда подлежащими правовому регулированию. Содержание понятия «гражданское общество» включает всю совокупность неполитических отношений: экономических, духовно-нравственных, социальных, религиозных, национальных и т. д. Западноевропейское восприятие демократии подразумевает приоритет индивидуальных интересов членов общества, что порождает вопросы о реализации личных прав и свобод. В большинстве же стран Востока акцент делается на общественные ценности. Совместить западное понимание демократии с восточной традицией весьма проблематично, в полной мере это относится и к категории гражданского общества.

Конечно, было бы неверным оценивать формирование гражданского общества азиатских стран лишь через призму конфуцианской традиции. Очевидным является также и то, что активно идут процессы модернизации социальных институтов и глобализации, т. е. размываются устоявшиеся стереотипы общественных взаимосвязей и взаимовлияний. Иначе говоря, образуется некий сплав из традиционного и инновационного, что можно было бы определить как аналоговое гражданское общество азиатских стран, не традиционное, но и не гражданское общество, сложившееся на Западе. В этом случае необходимо принимать во внимание положение, суть которого в следующем: основой современного гражданского общества азиатских стран является синтез, или наложение на конфуцианство демократических институтов, норм, установок, привнесенных с западного мира, повлекший процесс модернизации социальных и политических институтов.

Сущностные отличия европейского и азиатского подходов к проблеме гражданского общества проявляются в системе его построения и в определении его основных целей и функций. С точки зрения западного исследователя, структура такого общества представляет собой горизонтальные сети, состоящие из всевозможных общественных, экономических, политических, профсоюзных объединений граждан. С точки зрения азиатских авторов, гражданское общество – это совокупность общепринятых норм и принципов, регулирующих вертикальную систе-

му отношений в обществе¹³. Одним словом, для европейца гражданское общество – это совокупность горизонтальных сетей, а для традиционно, в том числе и конфуцианского общества, это – система вертикальных отношений по принципу «патрон – ученик».

В западноевропейских странах целью функционирования гражданского общества является в конечном итоге производство социального капитала, или «всеобщего блага», путем пересечения социальных барьеров. Главным средством для достижения данной цели выступает широкое и равноправное общественное сотрудничество. В странах конфуцианской культурной традиции целью гражданского общества является поддержание социальной стабильности, но не за счет размывания барьеров, а путем их сохранения, усиления роли государства как основного распорядителя во всех сферах жизнедеятельности.

Конфуцианская философско-этическая система заложила основы современной цивилизации Восточной Азии и по сей день сохраняет важные позиции в общественной жизни Китая, Японии, Южной Кореи и других стран региона. Однако не следует рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные – в качестве исключительно индивидуалистических. Оба начала присутствуют во всех культурах, но проявляются с разной степенью интенсивности. Сущность демократии подразумевает отсутствие противопоставления этих начал¹⁴, демократическое общество находит пути оптимального регулирования взаимоотношений между коллективными и индивидуальными интересами. Показательным в этом отношении является опыт ряда стран АТР, формирующих механизм современного гражданского общества, таких как Южная Корея, Япония, Китай.

Процесс становления гражданского общества в Южной Корее, как и в других странах региона, наглядно демонстрирует, что не следует сводить демократию к торжеству прав и свобод граждан. Для оценки демократического процесса в южнокорейском обществе не вполне достаточно установления либеральной основы в социально-экономической сфере деятельности. Южнокорейцы воспринимают демократию прежде всего как форму государства, при которой вся нация служит источником и носителем идей, сущности и целей политической и государственной власти. Либерализм воспринимается как форма организации общества, при которой главенствующими становятся гуманизм, защита прав и свобод личности, свободы предпринимательской деятельности, конкурентная борьба, при минимальном вмешательстве государства, проведении умеренных реформ, индивидуализме, рационализме, толерантности, развитии институтов парламентаризма, открытости внешнему миру и независимости по отношению к традициям.

Проблема обеспечения либеральных свобод, прав человека, признания приоритета свободы личности над остальными ценностями весьма актуальна в южнокорейском обществе. Традиционалистские социальные структуры проявляют склонность подчинять личные интересы граждан интересам того или иного коллектива, и это служит гарантией законопослушания населения и общественной стабильности. В рамках таких структур активно действует режим внутренней демократии, существуют эффективные формы и методы принятия коллективных решений. Это позволяет обеспечивать относительно прочную социальную стабильность за счет упрощения процедуры достижения общественного консенсуса. В незападном мире, к которому принадлежит Южная Корея, выживаемость и управляемость гражданского общества и демократии в целом напрямую зависят от сочетания и согласованного действия, с одной стороны, таких атрибутов классической демократии, как парламентаризм, конституционализм, правовое государство, многопартийность, с другой – присущих конфуцианскому миру форм общественной организации¹⁵.

При исследовании формирования гражданского общества в Японии современные специалисты обычно подчеркивают, что Япония практически никогда не знала жесткого государственного контроля над общественными институтами¹⁶. Вместе с тем для традиционной Японии характерно существование многочисленных и разнообразных, причем очень жестко организованных, общественных институтов, своего рода каст. В сочетании с традициями корпоративности, заимствованными японцами из китайской политической культуры, эта традиция жесткой социальной иерархичности породила и современную специфику японской общественной организации, современного гражданского общества в Японии. Поведение индивида в японском обществе сегодня, как и прежде, определяется рациональными интересами группы, и это открыто декларируется.

В условиях Японии, где от института императора была изначально отделена реальная административная власть сегуна, периодически подвергавшаяся вызовам со стороны других могущественных самурайских кланов, складывание единой структуры патриархального государства было затруднено¹⁷. Ориентации на групповые интересы в основном охватывали собственно клан или организации горожан, не подчиненные конкретным кланам. Здесь развилась система конкурирующих институтов, противостоящих центральной власти и ведущих борьбу друг с другом. Вместе с тем внутри кланов доминировала этика конфуцианского поведения¹⁸.

Оценивая послевоенную эволюцию японской политической культуры применительно к постулатам концепции гражданского общества,

необходимо отметить существенное расширение социальной базы ценностей индивидуализма и гражданского типа политической культуры в целом. Социальные изменения, порожденные высокими темпами экономического роста, повышения благосостояния народа, ослабили устойчивость важнейшей опоры культуры традиционного общества – культуры сельского населения. Следует констатировать, что однородная традиционная политическая культура образца довоенного периода в Японии разрушена. Тем не менее, ценности гражданского общества получили широкого распространение, главным образом, в ареале проживания крупных японских городов. В силу концентрации населения Японии вокруг урбанизированных центров эти тенденции воздействуют на взгляды и поведение значительной доли японского общества. Невозможно отрицать постепенную модернизацию общественного сознания, но основы традиционной японской культуры и групповое сознание по-прежнему сильны. Именно эти нормы определяют принципы поведения индивида и функционирования общественных организаций на национальном уровне.

Аналогичную ситуацию в процессе становления гражданского общества мы можем наблюдать и в Китае. По мнению исследователей, на формирование гражданского общества существенным образом повлияли два фактора. Во-первых, это патриархально-клановая структура общества, в которой роль и ценность личности определялись исключительно соображениями ее социальной полезности и местом в иерархии семейно-родственных связей, а государство представлялось в качестве суперпатронии. Согласно учению Конфуция, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход вводил правителя в круг обычных представлений общинников, превращая государство в обычную семью, только большую¹⁹.

Во-вторых, это особый режим хозяйственной деятельности, необходимость массовых общественных работ по строительству и содержанию аграрной и транспортной инфраструктуры на огромных и неравномерно заселенных территориях. Осмысление китайским обществом значимости этих факторов на ценностном уровне вело к юридической, философской и традиционно-бытовой легитимации таких норм, как подчинение младшего старшему в семье, социальной группе, государству, превалирование интересов сообщества над интересами личности и жесткий контроль со стороны группы над любыми проявлениями индивидуальной активности, возможность продвижения индивида по социальной иерархии исключительно на основе отстаивания интересов своего социума и при его поддержке²⁰. Характеризуя китайское общество, важно отметить такие факторы, которые свойственны всем конфуцианским обществам, а именно: устойчивость традиций и преемственность поколений,

что способствует сохранению в политической культуре современного Китая целого ряда представлений о нормах и формах социально-политической жизни, характерных для прошлого.

Во второй половине XIX в. Китай испытал мощный шок от военных и политических поражений в столкновениях с западными странами и Японией. Войны с этими государствами обнаружили слабость и отсталость Китая. Это заставило китайскую политическую и культурную элиту пересмотреть существовавшую до тех пор модель социально-политического и экономического развития Китая. Дальнейшая история развития страны – от «политики самоусиления» Ли Хунчжана до реформ Дэн Сяопина – была связана с поиском путей перехода от традиционного к более современному укладу политической и экономической жизни, способов использования в этих целях достижений мировой цивилизации²¹.

Таким образом, было положено начало социально-психологической открытости Китая, восприимчивости к элементам иностранной социально-политической культуры. Определенным шагом в этом направлении стал приход в Китай марксизма. Восприимчивость китайского общественного сознания к идеям марксизма, начавшим распространяться в Китае в начале XX в., в немалой степени обуславливалась схожестью многих марксистских постулатов с элементами традиционной китайской социально-политической культуры, таких как коллективизм, эгалитаризм и т. п.

В целях интенсификации народно-хозяйственного развития китайское руководство в конце 1970-х гг. пошло на целый ряд шагов по изменению многих сложившихся стереотипов общественно-политического сознания и поведения. Суть этих мероприятий заключалась в стремлении властей повысить инициативу граждан в решении задач экономического и политического характера. Тем не менее, все усилия по либерализации общественной жизни Китая носят ограниченный характер²². Это связано с тем, что традиционная модель китайской политической культуры не допускает активного влияния человека на процессы государственного управления. Подобные настроения не только распространены среди правящей номенклатуры, но и разделяются большей частью китайского общества. Возможно, исключением, подтверждающим правило, является китайское студенчество, которое можно охарактеризовать как наиболее активную часть китайского общества в политическом смысле. В этой социальной группе идет активный процесс формирования собственной субкультуры, характерными чертами которой являются восприимчивость к новым политическим идеям, ослабление влияния традиционной культуры. Политизации общественного сознания китайских студентов, их повышенной политической активности способствует ряд факторов, связанных как с особенностью бытовых

условий, так и с более высоким уровнем образования, большей социальной мобильностью, более активным приобщением к ценностям западной культуры.

Таким образом, в последние время в социально-политической культуре Китая, с одной стороны, развиваются активные процессы в сторону ее сближения с ценностями западной либерально-демократической политической культуры, с другой стороны, наблюдается определенный возврат ко многим традиционным ценностям. Это связано с тем, что в Китае растет значение двух основных социально-политических субкультур, которые можно условно назвать «западническо-городской» и «традиционно-сельской». В первой из них происходит осмысление и переработка ценностей западной культуры, оценка возможности их использования в реформировании Китая, во второй – усиливается роль традиционных ценностей народной культуры с упором на стремление к относительной независимости от центральных властей. Носители обоих основных типов социально-политических субкультур играют все большую роль в общественно-политической жизни Китая.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба процесса демократизации в странах АТР, их общественные и политические системы сохраняют пока традиционные ценности и ориентиры. Эти страны, осваивая достижения технического прогресса и оберегая многие черты своей традиционной культуры, отказываются идти по пути бездумной вестернизации, сочетая модернизацию своего общества с развитием собственной культурной идентичности. Поэтому, обладая большим весом и влиянием на международной арене, продолжая процессы демократической трансформации, они в обозримом будущем, вероятнее всего, сохраняют методы социального управления.

Таким образом, становление и развитие гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран, конфуцианством и системой азиатских ценностей. Суть этих отношений заключается в доминирующей роли государства, создании оптимальных форм социального и политического взаимодействия, в основе которых лежат обычаи и правила. Политическое сознание дальневосточных народов состоит из особого конфуцианского типа мышления, формирующего гармонию во взаимоотношениях и влияющего на развитие конфуцианского общества, построенного на солидарности, однородности и сотрудничестве. Это наглядно проявляется и в функционировании институтов гражданского общества, где возникающие противоречия между ними и государством, решаются в соответствии с принципом единства и социальной гармонии, путем консультаций и достижения согласия.

Примечания

- ¹ См., в частности: *Ли Вл. Ф.* О синтезе традиционализма и вестернизма в политической культуре корейской нации // Проблемы Корейского полуострова и интересы России: материалы II науч. конф. М., 1998. С. 188–195; *Мазуров В. М.* От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М., 1996; *Мельвиль А. Ю.* Демократизация в России и Республике Корея – возможности и пределы аналогий // Россия и Корея в меняющемся мире: науч.-практ. конф., 3 сент. 1997 г.: сб. докл. / редкол.: А. Д. Богатуров [и др.]. М., 1997. С. 23–32; *Его же.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.
- ² *Толстокулаков И.* Демократия в посттрадиционном обществе. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/101/114.pdf> (дата обращения: 05.12.2016).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. URL: <https://eknigi.org/istorija/44269-konfucij-zhiznuchenie-sudba.html> (дата обращения: 15.04.2013).
- ⁵ См.: *Ланьков А.* Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского гражданина. URL: <http://lankov.oriental.ru/fmental.shtml> (дата обращения: 16.10.2013).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См., например: *Корсун В. А.* Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации. URL: http://files.korrektor.ru/1/Elity_fragment.pdf (дата обращения: 05.12.2016).
- ⁹ См., например: *Толстокулаков И. А.* Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации // Изв. Вост. ин-та. 2010. № 16. С. 54–69; *Ганишин В. Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). М., 2004; *Корея в поисках мира и процветания: докл., предст. на VIII науч. конф. корееведов (Москва, 25–26 марта 2004 г.)* / отв. ред. В. П. Ткаченко; ИДВ РАН. М., 2004; *Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXI* / отв. ред. В. Н. Павлятенко, И. А. Цветова. М., 2005; *Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005* / рук. авт. кол. Л. М. Гудошников. М., 2007; *Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию академика М. Л. Титаренко* / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2004; *Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI века. 2-е доп. и обновл. изд.* М., 2004; *Яковлев А. Г.* Россия, Китай и мир / ред.-сост. Б. Т. Кулик. М., 2002.
- ¹⁰ *Хонг М.* Демократия в Азии // Россия и Корея в меняющемся мире. М., 1997. С. 146.
- ¹¹ См.: *Мазуров В. М.* Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития // Корея на рубеже веков: сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Ванин. М., 2002. С. 27.
- ¹² *Володин А. Г.* Политическая модернизация на юге Корейского полуострова: методологические аспекты // Россия и Корея в меняющемся мире. С. 13.
- ¹³ См., например: *Комар Ю. И.* Азиатские ценности: цивилизационный или политико-идеологический феномен? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и Африканистика. Реферативный журнал. 2004. № 2. С. 7–38. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6640187&> (дата обращения: 11.04.2014).
- ¹⁴ См.: *Гаджиев К. С.* Эпоха демократии? Проблемы экспансии демократии // *Вопр. философии.* 1996. № 9. С. 9.
- ¹⁵ См.: *Толстокулаков И.* Демократия в посттрадиционном обществе.
- ¹⁶ См.: *Хорос В. Г.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 8. С. 70–73.
- ¹⁷ См.: *Хорос В. Г.* Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 38.
- ¹⁸ См.: *Эволюция политической системы Японии* / отв. ред. Д. В. Петров. М., 1995. С. 261.
- ¹⁹ См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 228.
- ²⁰ См.: *Политическая культура: теории и национальные модели* / отв. ред. К. С. Гаджиев, сост. Д. В. Гудименко. М., 1994. С. 291–292.
- ²¹ См., например: *Ганишин В. Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. М., 2004. С. 16.
- ²² См.: *Сивинцева О. В.* Гражданское общество в Китае как особый тип взаимоотношений государства и населения // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. Политология.* 2014. № 1 (25). С. 84–97. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21537060> (дата обращения: 16.12.2016).

Образец для цитирования:

Барашков Г. М. Влияние конфуцианства на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона // *Иzv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya.* 2017. T. 17, vyp. 1. С. 113–120. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120.

Cite this article as:

Barashkov G. M. Confucianism's Impact on Peculiarities of Establishing and Developing of the Civil Society's Analogous Form in the Countries of the Asia-Pacific Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 113–120 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120.